

М. Б. Демченко

**ОБРАЗ ЧАЙТАНЬИ
В ПОЭМЕ НАБХАДАСА «БХАКТАМАЛА»**

АННОТАЦИЯ. Чайтанья — средневековый бенгальский святой, почитаемый многими жителями Бенгалии и Ориссы как воплощение бога Кришны и/или его *шакти* Радхи. В последние десятилетия его образ приобрел популярность и на Западе вследствие активной миссионерской деятельности последователей Международного общества сознания Кришны, для которого он также остается одним из главных объектов поклонения. В то же время своеобразная «тема Чайтаньи» сложилась и за пределами бенгальского культурного поля, а именно в среде североиндийских рамананди, говорящих и пишущих на хинди и его диалектах. В статье предпринята попытка рассмотреть образ Чайтаньи в поэме святого-рамаита XVII в. Госвами Набхадаса «Бхактамала» и выявить причины возникновения и особенности его культа в пространстве Авадха.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Чайтанья, рамананди, бхакти, вишнуизм, Бенгалия, Авадх, авадхи, хинди

УДК 233.2

DOI 10.31250/2618-8619-2020-3(9)-14-20

ДЕМЧЕНКО МАКСИМ БОРИСОВИЧ — к.культ., доцент, Московский государственный лингвистический университет (Россия, Москва)
E-mail: Blessed.self@gmail.com

Популярный бенгальский святой-вишнуит Вишвамбхара Мишра (1486–1533), более известный под своим монашеским именем Кришна Чайтанья Махапрабху, считается основателем религиозно-философской школы гаудия-вайшнава. Последователи школы воспринимают его как воплощение либо бога Кришны, либо богини Радхи, либо Кришны и Радхи одновременно. Почитают Чайтанью и за пределами гаудия-вишнуизма: ряд движений *бхакти*, распространенных в Бенгалии, Ориссе и Бангладеш¹, возводят к нему свою духовную генеалогию, его имя неоднократно упоминали выдающиеся реформаторы XIX в. Рамакришна и Вивекананда². Поскольку после смерти святого среди его учеников и последователей так и не сложилось единого мнения относительно того, кем он был и в чем заключалось его учение, а письменных памятников, помимо короткой поэмы «Шикшаштака» (санскр. शिक्षाष्टकं, Śikṣāṣṭaka) он не оставил, ранний гаудия-вишнуизм представлял собой довольно разнородное и неорганизованное движение, в котором была представлена широкая палитра взглядов на своего основателя. Выходцы из ортодоксальной среды старались санскритизировать культ, проповедники-эгалитаристы, напротив, по воззрениям приближались к народным верованиям и практикам (таким как *сахаджия*), по утверждению Эдварда Димока, «процветавшая в Бенгалии задолго до вишнуитского ренессанса, начало которому положил Чайтанья» (Dimock 1989: 35).

Не ошибемся, если скажем, что доктрина божественности Чайтаньи и определение его философских взглядов как *ачинтья бхеда-абхеда* («непостижимое единство и отличие»), представленная уже в ранних гаудия-вишнуитских текстах, окончательно утвердилась в начале 70-х годов XVI в. во время «собора» его учеников и почитателей в Кхетури (Bryant, Ekstrand 2004: 77). Признание Чайтаньи аватарой Кришны и попытка придать движению некую организованную (хотя бы на вероуверительном уровне) структуру, однако, не примирили два противостоявших друг другу методологических подхода к его почитанию: ортодоксальный, требовавший соблюдения всех норм и предписаний «Панчаратры», и гетеродоксальный, чувственный, связанный с *сахаджией* и рассматривавший святого не просто как объект поклонения, но и как романтическую фигуру, с которой возможно развить чувственную связь, подобную той, что была, согласно «Бхагавата-пуране» у пастушек-*гопи* по отношению к Кришне (*расика-бхакти*). «Чайтанья, даже согласно воззрениям ортодоксальных гаудиев, объединявший в одном теле Радху и Кришну, был идеальной иллюстрацией для принципа единства при видимой двойственности, которого придерживалась *сахаджия*... В целом вся механика легенды о Радхе и Кришне, равно как и теологическая конструкция, созданная вокруг нее, была воспринята и воплощена *сахаджией* на практике» (Dimock 1989: 36).

В «Бхактамале», пожалуй, самом известном и читаемом агиографическом сборнике, написанном в начале XVII в. Госвами Набхадасом (1580–1624), Чайтанье посвящен небольшой, но значимый раздел 52, за которым в большинстве индийских изданий следует комментарий Госвами Приядаса «Бхакти-раса-бодхини-тики» (1712). Упоминается в поэме и ближайший ученик Чайтаньи Джив Госвами (раздел 93). Автор произведения принадлежал к рамананда-сампрадае, североиндийской религиозно-философской школе, основанной в XIV в. Раманандой. Школа проповедовала культ Рамы как высшего Божества (*ниргуна*, за пределами имен и форм, и *сагуна*, царевича Айодхьи, главного героя эпоса «Рамаяна») и носила эгалитарный характер в отношении кастовой системы³. Вместе с тем поэт по какой-то причине наделяет Чайтанью более высоким статусом

¹ Например, маханама-сампрадая, основанная в начале XX в. Джагадбандхусундаром (1871–1921), ученик и преемник которого д-р Маханамбрата вдохновил тогда еще малоизвестного монаха-трапписта Томаса Мертон на эксперименты в области восточного мистицизма и межрелигиозного диалога (Schoeuer 2015: 9).

² «Чайтанья воплощал собой безумную любовь *гопи*... Его бхакти прокатилась по всей бенгальской земле, принося утешение каждому. Его любовь не знала границ: святой или грешник, индуc или мусульманин, чистый или нечистый, проститутка или простой прохожий — со всеми делился он своей любовью и состраданием» (Vivekananda 1955: 266).

³ Если о взглядах на кастовое неравенство самого Рамананды мы знаем прежде всего из преданий, а также из популярного двустишия, приписываемого ему: जात-पात पूछे न कोई, हरि को भजे सो हरि का होई («Не спрашивай человека о его касте и происхождении — тот, кто поет для Хари, тот принадлежит Хари»), — то Набхадас наглядно демонстрирует их во многих местах своей поэмы, например в разделе 60 «Бхактамалы», прославляя Кабира, который कबरि का नरिखि नहीं बरनाश्रम षटदरसनी («отказался принять прибежище в *варнашраме* и шести *даршанах*»), но тем не менее стал святым-бхактом, достигшим Всевышнего. Более

в иерархии святых-бхактов, нежели даже собственного *садгуру* Рамананду. О последнем повествует раздел 36 «Бхактамалы», где, перечислив имена его 12 основных учеников (Анантананды, Кабира, Сукхананды, Сурсурананды (до посвящения *Sursurā*, с долгим *ā* на конце), Падмавати, Нарахариананды, Пипы, Бхавананды, Райдаса, Дханьи, Сены и Сурсурананды (до посвящения *Sursura*, с кратким *a* на конце), Набхадас сообщает:

बहुत काल बहु धारि कै प्रनत जनन कौ पार दयिो।
श्री रामानंद रघुनाथ ज्यो दुतयि सेतु जग तरन कयिो

Точно так же, как в былые времена вождь Рагхавов с помощью ванаров построил мост через океан, в наши дни Шри Рамананда с помощью учеников соорудил мост, по которому можно перейти океан мирской жизни (Nābhādās: 167).

Иными словами, Рамананда — *ачарья*, учитель, учреждающий новое направление в *бхакти*, причем о его возможной божественности умалчивается (хотя позднее он начинает восприниматься в рамананда-сампрадае как аватара Рамы). Совсем иначе дела обстоят с Чайтаньей и его современником и спутником Нитьянандой (1474–1541):

गौड़ देस पाखंड मेट कियि भजन परायन।

В стране Гауда среди мусульман вы воспевали Всевышнего;

करूना सधि कृतग्य भए अगनति गति दायन।।

Вы — океан сострадания, милость из которого пролилась на бесчисленное множество живых существ <...>

अवतार बदिति पूरब मही उभै महँत देही धरी।

Так (сам Господь) низошел в форме двух великих святых

नतियानंद कृष्ण चैतन्य की भक्तिसो दसि बिसितरी।।

Нитьянанды и Кришны Чайтаньи, утвердивших путь бхакти (Nābhādās: 273).

Чайтанья, в отличие от Рамананды, не просто *ачарья*, он воплощение Кришны. Отметим также, что первым и наиболее авторитетным для самих рамананди комментатором «Бхактамалы» стал упоминавшийся выше гаудия-вишнуит Приядас, который не скрывает приверженности Чайтанье и начинает свою *тику* с рассказа о том, как он по воле Махапрабху стал продолжателем дела Набхадаса:

महाप्रभु कृष्णचैतन्य मनहरनजू के चरण कौ ध्यान मेरे नाम मुख गाये।

Однажды в сердце своем размышляя я о Кришне Чайтанье, о моем учителе Манохаре и повторял имя Всевышнего,

ताही समय नाभाजू ने आज्जा दई लई धारि टीका वसितारि भक्तमाल की सुनाये।।

Тогда пришел ко мне святой Набхадас и поручил рассказать тикку к «Бхактамале» (Nābhādās: 37).

Каковы же причины выделения Чайтаньи среди прочих святых бхактов поэтом, представлявшим школу, во многом оппозиционную гаудия-вишнуизму? И какую роль сыграло его наследие в становлении вероучения и практики рамананда-сампрадаи? В поисках ответа на эти вопросы,

того, *हिंदू तुरक प्रमान रमैनी सबदी साखी* («его рамайни, шабоды и сакхи стали праманом (безусловным авторитетом) и для инду-сов, и для мусульман») (Nābhādās: 242).

обратимся к самому понятию *бхакти*. Обычно на европейские языки это слово переводится как «преданность» (*devotion*) или «любовь» (*love*), однако, как замечает Пэттон Бёрчетт, «это определение «находится под сильным влиянием и искажено протестантскими взглядами ученых-востоковедов (европейских индологов, представителей британских колониальных властей и др.) <...>. В последние годы ряд исследователей попытались преодолеть эту обусловленность и вывести концепцию *бхакти* за пределы “преданности личностному богу”, обратив внимание на этимологию самого слова и его фундаментальную связь с корнем *bhāj*, указывающим на участие в чем-либо» (Burchett 2012: 6–8). *Бхакти* не столько учение, философия или набор религиозных практик, сколько динамичное и многоуровневое движение, пространство, в котором осуществляется некий «перформанс» (по выражению Бёрчетта), направленный на то, чтобы вызвать у адепта определенные эмоции и настроения, способные привести его к «высшей цели», к «встрече с божественным» (*bhagavat sāksātkāra*). Средневековой *бхакти*, за редким исключением, несвойственны противопоставления ортодоксии и ереси, а участие в чувственном «перформансе», коммуникации между святым поэтом, адептом, и другими участниками действия оказывается более важным, нежели изучение вед и следование принципам брахманизма⁴. Сам Набхадас начинает свой опус с утверждения:

भक्त भक्तिभिवंत गुरु चतुर नाम बपु एक।

Бхакт, бхакти, Господь и гуру — таковы четыре имени Единого;

इन के पद वंदन किँ नासत वधिं अनेक।।

Перед их стопами я склоняюсь, ибо нет между ними разницы (Nābhādās: 37).

Чаще всего взаимоотношения между представителями различных движений североиндийской *бхакти* (*ниргуна-бхакти* и *сагуна-бхакти*, *Рама-бхакти* и *Кришна-бхакти* и т.д.) выстраивались не на основе поиска точек соприкосновений в религиозно-философских вопросах, а на основе общего чувствования, того, что известно самим бхактам как *рас*, «вкус» или настроение сопричастности миру божественного. Таким образом, в разряд святых и уважаемых в мире *бхакти* поэтов попадали деятели совершенно различного происхождения и подчас с диаметрально противоположными воззрениями. «Бхактамала» стала, пожалуй, наиболее успешной попыткой создать исчерпывающий список всех персонажей, пользовавшихся уважением в среде бхактов-рамананди в конце XVI — начале XVII в. Среди них и адвайтины (включая самого Шанкару), и тамильские альвары, и рамананди, и Кришна-бхакты из разных школ и областей Индии.

Вышеизложенные соображения проясняют причины упоминания имени Чайтаньи в «Бхактамале», однако они не отвечают на вопрос о том, почему Набхадас придает ему более высокое значение, чем основателю собственной школы Рамананде. Возможно, мы найдем ответ на него, обратившись к *парампаре* (духовной генеалогии) поэта. Радхешьям Кхемка, основываясь на документах XVII в., представляет ее следующим образом: Рамананда — Анантананда — Кришнадас Пайхари — Аградас — Набхадас (Nābhādās: 36). В этой линии преемственности мы узнаем традицию рамананди-*расиков*, экстатических почитателей божественной четы Ситы и Рамы, развивавшуюся в одном из старейших центров раннего рамаизма Галте (Раджастан). Как же связаны рамананди-*расики* и Чайтанья? По утверждению Питера Ван дер Вира, «идеи и практики рамананди-*расиков* находились под сильнейшим влиянием кришнаитских теорий, что следует из использования самого термина *расик*. По всей видимости, Аградас ввел данное течение в теологию

⁴ Здесь будет уместно процитировать строки Кабира, вошедшие в священную книгу сикхов «Шри Гуру-грантх Сахиб»:

कबीर बामनु गुरु है जगत का भगत का गुरु नहीं॥
अरझा उरझा के पचा भुआ चारउ बेदहु माही॥
हरा है खांडु रेतु मर्हा बिखरी हाथी चुनी न जाइ॥

«Поэт Кабир: брахман — учитель вселенной, но не святых бхактов, почитателей Всевышнего! Пандиты запутались в четырех ведах и умирают, споря о них. Бог Хари — сахар, просыпавшийся на песок, слону не под силу собрать его» (Śrī Granth: 1377).

рамананди в XVI в. и с этого времени рамаитский *matx* в Галте оставался в тесном общении с соседним Враджем, центром кришнаизма» (Van Der Veer 1997: 168). Поскольку вдохновителем *расиков* во Врадже был именно Чайтанья, учитель автора «Бхактамалы» Аградас не мог обойти вниманием его наследие, о чем свидетельствует и его знаменитая поэма «Дхьян-манджари», некоторые сцены которой практически полностью дублируют популярные среди гаудия-вишнуитов эпизоды из жизни Радхи и Кришны, описанные в «Бхакти-расамрита-синдху» ученика Махапрабху Рупы Госвами (1493–1564). Весьма вероятно, что, наделяя бенгальского святого статусом аватары, Набхадас ретранслирует мнение своего учителя Аградаса, который воспринял его от своих вдохновителей из Вриндавана и Матхуры. Еще одно тому подтверждение — раздел 93 «Бхактамалы», где поэт выражает свое почтение Рупе Госвами, Санатане Госвами и особенно их племяннику Дживе Госвами:

संदेह गगंरंथि छेदन समरत रस रास उपासक पुरम धरि।
श्री रूप सनातन भक्ती जिल जीव गुसाई सर गँभरि॥

Будучи способными устранить любые сомнения, они достигли высшего совершенства в чувственной любви.

Так Джива Госвами погрузился в воды озера бхакти, явившегося как Шри Рупа и Шри Санатана (Nābhādās: 306).

Вообще традиции *расиков*, как рамаитов, так и кришнаитов, свойственно отождествление своих учителей с персонажами «священной истории», так как сама их практика — своего рода театральная постановка, ролевая игра, попытка актуализировать мифологическое повествование и прожить его в реальной, земной пространственно-временной перспективе. Если Рамананда и его первые ученики поклонялись преимущественно самому Рамае, то рамананди-*расики* почитают вождя Рагхавов вместе с супругой Ситой, что после посвящения в традицию зачастую приводит к гендерным смещениям в психологической и поведенческой составляющих личности адепта. Дело в том, что большинство рамананди-*расиков* в рассматриваемую нами эпоху были *садху*, отшельниками, а *садху*, в соответствии с «Панчаратрой», не имел права обслуживать *мурти* (идол) женского божества, так как служение ему включало в себя необходимость его переодевания, купания и т. д. Следовательно, чтобы получить доступ к культуре божественной четы Ситы и Рамы, он должен был хотя бы на время «стать» женщиной (а чаще всего незамужней девушкой), приняв на себя роль подружки или служанки Ситы — *сакхи*. Если на первых порах гендерное смещение в среде *расиков* носило временный ситуационный характер (*садху* переодевались в сари и вели себя как женщины только на время богослужения), то уже в развитой традиции, вероятно под влиянием кришнаизма, «раскрытие своей *сварупы*, истинной природы», очень часто не соответствующей полу адепта, становится сутью практики и является перманентным. Каждый *расик* четко знает, в каком «настроении» он пребывает и какие взаимоотношения его связывают с избранным божеством (Рамой или Кришной) — слуги, друга, возлюбленной и пр. «По мнению *расиков*, эта идея возникла, когда Рама и Сита вернулись из изгнания в Айодхью. Хануман и прочие попросили разрешения прислуживать не только Рамае, но и Сите. Для этого им пришлось стать первыми *сакхи* Ситы. Как *сакхи* они получили новые имена: Хануман стал Чарушилой, Лакшман — Лакшманой, Бхарат — Субхагой, Джамбаван — Сулочаной, Шатругхн — Хемой» (Van Der Veer 1997: 164). Как известно из многочисленных памятников раннего гаудия-вишнуизма, Чайтанья также проживал опыты пребывания «в настроении» как Кришны, так и Радхи, причем в первом случае роль Радхи играл друг его детства Гададхар (1486–1534). Его экстатические состояния, отмеченные гендерными смещениями, описывает Лочан дас (XVI в.) в житийном произведении «Чайтанья-мангала». В одном из стихотворений, ставших популярным в народе *бхаджаном*, он рисует яркую картину практики *расиков*:

Источник всей чувственности Гаурачандра танцует в доме Шривасы,
Но все видят в нем Шьямасундару, прекрасного Кришну, а Гададхара превращается в Радху.
Нарахари играет роль подружки Мадхумати, а остальные вообразили себя коровами, пасту-
хами и пастушками для прекрасного сына Шачи,
Как некогда во Врадже...
Так развлекаются Гаура и Гададхара,
Становясь Шьямой и Радхой и наслаждаясь любовными играми...⁵

Судя по всему, роль Кришны (или одновременно Радхи и Кришны) настолько закрепились за Чайтаньей в контексте среды *расиков*, что стала восприниматься как его постоянная *сварупа*, и именно в этом качестве он попал в агиографическую традицию рамананди. Во время посещения Айодхьи в дни осенних праздников Наваратри в 2010 г. мне довелось посетить один из важных центров рамананди-*расиков*, сегодня носящий имя Рамхаршан-кундж. Его *махант* Свами Рамхаршандас обладал титулом *расикачарья* и являлся авторитетнейшей для последователей школы фигурой. Вплоть до своей смерти (*махасамадхи*) в 2012 г. он привлекал к себе сотни паломников, давая им как публичные, так и индивидуальные наставления. Свами Рамхаршандас пребывал «в настроении» *сакхи*, прислуживающей Сите в ее родном городе Митхила и, что важно для нашего исследования, сравнивается учениками с Чайтаньей. Так, его также называют «Гауранга» (за его светлый цвет кожи), проецируют эпизоды из жизни бенгальского святого на его собственную биографию. Стены зала, в котором он принимал посетителей, украшены многочисленными изображениями святых-рамананди, однако почетное место среди них занимает Чайтанья. Все это вполне соответствует наблюдениям Ван дер Вира, который отмечает: «В Индии гуру — это в принципе уважаемый, если не сказать почитаемый, человек. Но в храмах *расиков* было сделано еще несколько шагов вперед. Можно сказать, что поклонение гуру несильно отличается от поклонения самому Богу. Действительно, *расики* сравнивают и иногда отождествляют своего гуру с Богом. Совершенно не критичное, уважительное отношение, которое проявляют *садху* и ученики-миряне к гуру в храмах *расиков*, отличает их от посетителей других храмов, например принадлежащих *акхарам*, где царит более демократичный дух» (Van Der Veer 1997: 168).

Если Набхадас лишь упоминает о божественной природе Чайтаньи и Нитьяланды, то автор *тики* к его поэме уже уверен в том, что его персонажи — воплощения конкретных богов — Кришны и Баларамы (Nābhādās: 274). При этом в среде рамананди комментарий Приядаса пользуется столь же высоким авторитетом, что и сама «Бхактамала», а значит, его утверждения так или иначе принимаются во внимание при рассмотрении образов этих святых. Вывод, который можно сделать из проанализированных нами документов, заключается в том, что Чайтанья оказал сильное влияние на всю традицию *расиков*, включая и ее рамаитский сегмент, вследствие чего стал почитаться как аватара в определенных кругах последователей Рамананды. Изучение эволюции образа Чайтаньи в литературе рамананди из Галты помогает нам лучше понять механику процесса превращения святого-*расика* в земное воплощение божества и учреждения его собственной бхакти, наряду с почитанием Рамы или Кришны. Мы обнаружили, что эта метаморфоза не всегда связана с принадлежностью поклоняющихся к конкретной религиозно-философской школе и чувственный аспект жизни и творчества святого может служить лучшим аргументом для признания его авторитета, нежели учение, которое он проповедовал.

Также мы сделали еще один шаг в изучении природы североиндийской бхакти не как системы взглядов и практик, ограниченной конкретной школой, а как некоего пространства мистико-поэтического поиска, в котором переплелись различные, подчас диаметрально противоположные взгляды, а святые поэты, творившие на разных языках, активно взаимодействовали на многих уровнях. Одним из возможных развитий изучаемой нами темы в будущем может стать привлечение

⁵ Отрывок приводится по бенгальскому тексту электронной книги: (Rasa Raja Sri Sri Gauranga 2013).

материала других индийских религий и этнорелигиозных сообществ, таких как хиджра (особенно *киннар-акхара*) и нищенствующих мусульманских дервишей из сообщества *сада сохаг* (Russell, Hira Lal 1916, II: 538; приводится по: Альбедиль, Васильков 2015: 46). Это позволит нам выявить общие черты и отличия интегративных процессов в масштабе всей Северной и Северо-Восточной Индии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Альбедиль М. Ф., Васильков Я. В. Виды индийских аскетов (по материалам коллекции 2993 в собрании МАЭ) // *Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии*. СПб., 2015. С. 11–50. (Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. LXI).

Bryant E., Ekstrand M. The Hare Krishna Movement. The Postcharismatic Fate of a Religious Transplant. New York, 2004.

Burchett P. Bhakti Religion and Tantrik Magic in Mughal India: Kacchvāhās, Rāmānandīs and Nāths, circa 1500–1750. New York, 2012.

Dimock E. The Place of the Hidden Moon. Erotic Mysticism in the Vaishnava-Sahajiyā Cult of West Bengal. Chicago, 1989.

Nābhādās G. Bhaktamāla. Gorakhpur: Gītāpress.

Rasa Raja Sri Sri Gauranga. 19.07.2013. URL: <http://srigadadhar.blogspot.com/2013/07/rasa-raja-srisri-gauranga-astudy-of-sri.html?m=1> (дата обращения: 30.08.2020).

Schoeuer J. Thomas Merton — un veilleur à l'écoute de l'Orient. Namur, 2015.

Śrī Granth. URL: www.sriganth.org (дата обращения: 30.08.2020).

Van Der Veer P. Religious Experience and Identity in Ayodhya. Delhi, 1997.

Vivekananda S. Complete Works. Vol. 3. Mayavati, 1955.

CHAITANYA IN THE *BHAKTAMĀLA* POEM BY NĀBHĀDĀS

ABSTRACT. Chaitanya is a medieval Bengali saint popularly worshiped in Bengal and Odisha as an incarnation of Krishna or/and his beloved *śakti* Radha. During the past decades, his image has been popularized in the West following the ISKCON missionary activities. At the same time, a peculiar “Chaitanya theme” has also developed outside the Bengali socio-cultural field, and among Hindi speaking North Indian Rāmānandīs in particular. In this article, I attempt to analyze the image of Chaitanya in the seventeenth-century poem written by Goswami Nabhadās, a Rāmānandī saint who had made an effort to give a more or less complete and impartial account of scholars, saints and poets of his time within the Bhakti movement. I also attempt to reveal the reasons of the emergence of Chaitanya cult and its distinguishing features in Avadh.

KEYWORDS: Chaitanya, Ramanandis, Bhakti, Vaishnava, Bengal, Avadh, Avadhi, Hindi

MAXIM B. DEMCHENKO — PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

E-mail: Blessed.self@gmail.com